

Предисловие к первому изданию (1868 год)

Некоторые из моих прежних романов задавались целью проследить, как обстоятельства повлияют на персонажа. В настоящем романе я разворачиваю процесс в обратную сторону. В нем предпринята попытка проследить, как поведение персонажа влияет на обстоятельства. Реакция юной девушки на непредвиденную ситуацию — вот тот базис, на котором я выстроил роман.

Такую же цель преследует описание поступков других героев, появляющихся на этих страницах. Их мысли и действия применительно к окружающим обстоятельствам иногда правильны, а иногда ошибочны (как скорее всего случилось бы и в реальной жизни). Так или иначе, их поведение в любом случае в равной мере направляет развитие тех частей сюжета, в которых они участвуют.

Тем же самым принципом я руководствовался в описании физиологического опыта, занимающего важное место в заключительных сценах «Лунного камня». Установив, — не только лишь по книгам, но и у живых знатоков — какими могли бы быть результаты подобного опыта на практике, я отказался от привилегии романиста делать свободные допущения и вместо этого так построил сюжет, чтобы

он естественным образом вырастал из событий, которые могли бы иметь место в действительности, что, спешу заверить моих читателей, и происходит на этих страницах.

Что касается Лунного камня, должен признать, что некоторые важные подробности почерпнуты из истории двух принадлежащих королевским дворам Европы бриллиантов. Величественный камень, украшающий Российский имперский скипетр, был некогда глазом индийского идола. Знаменитый «Кохинор» тоже, говорят, считался в Индии священным. Более того, он был предметом пророчества, предрекавшего несчастье всякому, кто воспользуется им вопреки его древнему предназначению.

*Глостер-Плейс, Портман-сквер
30 июня 1868 года*

Предисловие к исправленному изданию (1871 год)

Обстоятельства, в которых создавался «Лунный камень», на взгляд автора придали этой книге необычный характер.

Мой труд еще публиковался частями в периодической печати Англии и Соединенных Штатов, как вдруг после выхода более чем одной трети меня одновременно постигли страшное горе и тяжелейшая болезнь, хуже которой мне не приходилось испытывать. В то время, как моя мать лежала при смерти в маленьком сельском коттедже, меня свалил и связал по рукам и ногам мучительный приступ ревматической подагры. Под гнетом двойных невзгод мне приходилось еще и помнить о своем долге перед публикой. Мои верные читатели в Англии и Америке, которых я никогда не подводил, ждали очередных еженедельных порций романа. Я продолжал работу и ради себя, и ради них. В промежутках, когда ослабевала скорбь и отступали боли, я надиктовал с постели ту часть «Лунного камня», что больше всего позабавила публику — «Историю мисс Клак». Я не буду здесь говорить о том, какой физической жертвы стоили мне эти усилия. Оглядываясь назад, я вижу лишь блаженное облегчение, которое эти (вынужденные) занятия приносили моему уму. Искусство, которое всю

мою жизнь было для меня предметом гордости и удовольствия, еще больше стало «безмерно великой наградой самой по себе» *. Я сомневаюсь, что написал бы хоть еще одну книгу, если бы ответственность за еженедельную публикацию этого романа не заставила меня собрать в кулак тающие силы тела и разума, осушить бесполезные слезы и превозмочь жестокие боли.

Завершив роман, я ждал, как его примет публика, с такой пылкой тревогой, какую ни до, ни после ни разу не испытывал за судьбу своих сочинений. В случае провала «Лунного камня» я бы испытал горчайшую обиду. Оказалось, что роман мгновенно и повсеместно получил хороший прием в Англии, Америке и континентальной Европе. Ни одна работа прежде не вызывала у меня столь глубокой благодарности читателям всех стран. Мои герои повсюду нашли своих поклонников, мой сюжет повсюду возбудил интерес. Публика благосклонно отнеслась к моим недостаткам и стократно воздала за мой тяжкий труд в темный период болезни и скорби.

Замечу напоследок, что настоящее издание улучшено благодаря внесенным мной тщательным поправкам. Я сделал все возможное, чтобы книга оставалась достойной одобрения читателей.

* Часть цитаты из эссе Уильяма Хэзлитта «Картины в Берли-хауз», на русский язык не переводилось.

ПРОЛОГ

Штурм Серингапатама (1799 год)
Из семейного архива

I

Эти написанные в Индии строки я адресую своим родственникам в Англии.

Предмет моего письма состоит в том, чтобы объяснить причину, побудившую меня отказаться пожать руку, протянутую в знак примирения моим кузеном Джоном Гернкастлем. Молчание, которое я до сих пор хранил, было неправильно истолковано членами моего семейства, чьи добрые намерения я не смею отрицать. Я призываю их не спешить с выводами и прежде дочитать мой рассказ до конца. Клянусь честью, то, что я сейчас пишу, есть абсолютная, достоверная правда.

Скрытый разлад между мной и кузенком возник во время известного события, в котором мы оба принимали участие, — штурм Серингапатама под предводительством генерала Бэрда 4 мая 1799 года.

Для удобства понимания я должен на время вернуться к периоду осады и ходившим в нашем лагере слухам о сокровищах — драгоценных камнях и золоте, хранившихся в Серингапатамском дворце.

II

Один из самых причудливых слухов был связан с «Желтым алмазом», легендарным драгоценным камнем, о котором говорилось в местных индийских хрониках.

Наиболее древние предания сообщали о камне, вставленном в лоб четырехрукого индийского бога Луны. Отчасти из-за его необычного цвета, отчасти из-за суеверий о влиянии на него божества, украшением которого он был, и перемены степени его блеска в зависимости от фаз луны, алмаз приобрел название, под которым известен в Индии до наших дней, — Лунный камень. Похожий предрассудок, как я слышал, существовал в Древней Греции и Древнем Риме. Он относился однако не к алмазу, служащему (как в Индии) для поклонения божеству, но к менее ценным, полупрозрачным самоцветам, якобы тоже испытывающим влияние луны, из-за чего коллекционеры до сих пор называют их лунными камнями.

Приключения «Желтого алмаза» начались в одиннадцатом веке от Рождества Христова.

В это время завоеватель-магометанин Махмуд Газни вторгся в Индию, захватил священный город Сомнатх и разграбил сокровища знаменитого, простоявшего многие века храма, места паломничества индуистов и одного из чудес Востока.

Среди всех божеств храма лишь бог Луны избежал алчности завоевателей-магометан. Под охраной трех браминов божество с «Желтым алмазом» во лбу было нетронутым перенесено в другой священный город Индии — Бенарес.

Бога Луны поместили и стали ему поклоняться в новом святилище — зале, инкрустированном драгоценными камнями, с кровлей на

золотых столбах. Когда сооружение храма подошло к концу, трем браминам во сне явился Вишну-Охранитель.

Божество дохнуло Святым Духом на алмаз во лбу идола. Брамины пали ниц, закрыв лица одеждами. Бог приказал трем жрецам отныне и до скончания поколений день и ночь поочередно сторожить Лунный камень. Брамины вняли приказу и подчинились воле божества. Вишну предрек: того самонадеянного смертного, кто осмелится завладеть священным камнем, а с ним — весь его дом и наследников, постигнет неотвратимое бедствие. Жрецы начертали пророчество золотыми буквами на воротах храма.

Шли века, сменялись поколения, а преемники трех браминов по-прежнему день и ночь охраняли бесценный Лунный камень. Одна эпоха сменяла другую, пока в первые годы восемнадцатого века по христианскому календарю не наступило правление императора Моголов Аурангзеба. По его приказу на храмы поклонения Бrame вновь обрушились разорения и грабежи. Святылище четырехрукого бога осквернила пролитая кровь священнных животных, идолы были разбиты на куски, а Лунный камень забрал себе один из военачальников Аурангзеба.

Не в силах вернуть утраченное сокровище в открытом бою, три жреца-охранника тайно пошли по его следу. Народилось новое поколение. Совершивший святотатство воин умер жуткой смертью. Лунный камень (и наложенное на него проклятье) переходил от одного безбожника-магометанина к другому, но несмотря на все превратности и перемены, потомки трех жрецов продолжали следить за судьбой камня, ожидая того дня, когда воля Вишну-Охранителя вернет священную реликвию в их руки. Наступили последние годы христианского восемнад-

цатого века. Камень достался султану Серингапатама, Типпу, который украсил им рукоять своего кинжала и приказал хранить его вместе с другими сокровищами в оружейной палате. Но и тогда, во дворце самого султана, жрецы-сторожа несли тайную вахту. Ко двору Типпу прибились три воина офицерского звания, с которыми никто не был знаком, они завоевали доверие властелина истинным или притворным принятием мусульманской веры. Именно на них предание указывает как на трех тайных жрецов.

III

Такова причудливая история Лунного камня, гулявшая по нашему лагерю. Она не произвела серьезного впечатления ни на кого, кроме моего кузена, чья любовь к мистике заставила его поверить в нее. Вечером накануне штурма Серингапатама он ребячески рассердился на меня и других за то, что все мы отнеслись к этой истории как к сказке. Последовала вздорная перебранка, Гернкастль не смог обуздать свою достойную сожаления горячность и хвастливо заявил, что алмаз будет красоваться у него на пальце, если только британская армия займет Серингапатам. Реплика была встречена раскатами хохота, и на том, как мы посчитали в тот вечер, все и закончилось.

Вернемся теперь ко дню штурма. В самом его начале мы с кузеном разлучились. Я не видел Гернкастля, пока мы переходили вброд реку, водружали британский флаг на первом рубеже, переправлялись через ров, с боями по дюйму продвигались вперед и входили в город. Полная победа была одержана лишь к сумеркам, так что мы с кузеном

Бэрд лично обнаружил труп Типпу, погребенный под телами павших воинов.

Нас обоих придали отряду, отправленному по приказу генерала покончить с грабежами и неразберихой, последовавшими за нашей победой. Лагерные прилипалы совершали отвратительные бесчинства. Хуже того — солдаты проникли через охраняемую дверь в дворцовую сокровищницу и набили карманы золотом и драгоценными камнями. Я и кузен встретились во дворе сокровищницы, где нам предстояло восстановить дисциплину среди наших же солдат. Жуткое побоище, через которое мы прошли, довело, как я сразу же заметил, и без того вспыльчивый норов Гернкастля до полного иступления. На мой взгляд он был совершенно негоден для выполнения поставленной задачи.

В сокровищнице царили дебош и неразбериха, но без явных признаков насилия. Люди (если они заслуживали этого названия) от души предавались бесчестью, перекидывались грубыми шутками и подначками. Внезапно кто-то из озорства упомянул историю об алмазе. «Кто найдет Лунный камень?» — прокатился боевой клич. Стоило грабежу прекратиться в одном месте, как он вспыхивал в другом. Тщетно пытаясь восстановить порядок, я услышал крик ужаса на другом конце двора и немедленно побежал туда, опасаясь увидеть новую вспышку мародерства.

Приблизившись к открытой двери, я увидел двух мертвых индусов (судя по одеждам, офицеров дворцовой стражи), лежащих поперек входа.

Из помещения, похоже, оружейной палаты, вырвался крик, заставивший меня поспешить внутрь. Третий индус, получив смертельную рану, падал к ногам стоящего ко мне спиной человека. Он тотчас обернулся, и я узнал Джона Гернкастля.

В одной руке мой кузен держал факел, в другой — кинжал, с которого капала кровь. Когда он обернулся, камень на конце рукояти кинжала, напоминающем яблоко меча, сверкнул в свете факела, как огненная вспышка. Умиравший индус рухнул на колени, указал на кинжал в руках Гернкастля и на своем родном языке произнес: «Лунный камень еще отомстит тебе и твоему роду!» И с этими словами замертво упал на пол.

Прежде чем я успел вмешаться, в палату вошли прибежавшие со двора солдаты. Кузен как одержимый бросился им навстречу. «Очистите помещение! — крикнул он мне. — Выставьте у входа часовых!» Солдаты отшатнулись, когда он подскочил к ним с зажженным факелом и кинжалом. Я выставил двух часовых от своей роты, на которых мог положиться. Ни вечером, ни ночью я кузена больше не видел.

Грабеж продолжался до раннего утра, и генерал Бэрд под барабанный бой во всеуслышание заявил, что повесит любого пойманного с поличным вора, не разбирая чинов. Присутствие начальника военной полиции свидетельствовало, что генерал не шутит. В толпе, обсуждавшей заявление, я снова наткнулся на Гернкастля.

Он как ни в чем не бывало протянул мне руку и сказал: «Доброе утро».

Я не сразу ответил на рукопожатие.

— Сначала расскажите, — попросил я, — как индус в оружейной палате нашел свою смерть и что означали его последние слова, когда он указал на кинжал в вашей руке?

— Индус нашел свою смерть, как я полагаю, от смертельной раны, — ответил Гернкастль. — А о том, что значат его последние слова, я знаю не больше вашего.

— И это все, что вы можете мне сказать? — спросил я.

— Это все, — ответил он.

Я повернулся и вышел. С тех пор мы больше не разговаривали.

IV

Прошу понять: то, что я здесь пишу о кузене, предназначено исключительно для членов семьи (если только не возникнет необходимость обнародования этих сведений). Гернкастль не сказал ничего такого, чтобы доносить его слова командиру. Его потом не раз дразнили по поводу алмаза те, кто запомнил его вспышку гнева накануне штурма, но, как нетрудно вообразить, он и сам помнит, при каких обстоятельствах я застал его в оружейной палате, а потому помалкивает. Говорят, он даже попросил о переводе в другой полк, лишь бы находиться подальше от меня.

Правда это или нет, я не берусь его обвинять, и на то есть весома причина. Предъяви я обвинение публично, я бы не смог выдвинуть иных доводов кроме нравственных. У меня нет доказательств, что именно он убил индусов — не только двоих у входа, но даже третьего в палате, ибо не могу утверждать, что наблюдал происходящее собственными глазами. Да, я слышал слова умирающего стражника, но, если допустить, что он произнес их в предсмертном бреде, как я смогу это опровергнуть? Пусть наши родственники с обеих сторон сами составят мнение о том, что я написал, и рассудят, насколько обоснована или не обоснована моя неприязнь к кузене.

Хотя я ни на минуту не верю в фантастическую индийскую легенду о драгоценном кам-